

ПОЛТОРА МѢСЯЦА ВЪ СЪВЕРНОЙ ДЕРЕВНѢ.

I.

Воѣздъ подъѣзжалъ къ небольшой станціи С.-З. ж. д., гдѣ должны были вставать офицеры, командированные на съемки.

— Ну, слава Богу, что удалось выбраться изъ этого душнаго Питера! обратился я къ своему сосѣду по участку и будущему сожителю. Наконецъ-то, послѣ непріятной экзаменаціонной работы можно будетъ немного отдохнуть на лонѣ природы и физически и нравственно.

— Эхъ, батенька, вы, вѣроятно, никогда не бывали въ этихъ краяхъ, что рассчитываете на нравственный отдыхъ, замѣтилъ мнѣ солидный капитанъ, старательно упаковывавшій свои постельныя принадлежности: что это вамъ Малороссія что ли, или вашъ, какъ вы его называете, тихій Донъ, гдѣ, дѣйствительно, можно отдохнуть—природа южная богаче, чѣмъ эти непривѣтливые лѣса и болота, да и народъ-то тамъ другой!

— Что народъ-то другимъ муромъ что-ли помазанъ? возразилъ я капитану.

— Да, видно, что другимъ. Хохоль, какъ хохоль съ его вѣчной простотой, а если принять во вниманіе отдаленность тѣхъ краевъ отъ такихъ бойкихъ центровъ, какъ наша гранитная столица, вносящая больше отрицательнаго, чѣмъ положительнаго въ укладъ крестьянской жизни сѣверныхъ деревень, то на повѣрку получается совсѣмъ иное. Ну, да я не стану васъ заранѣе разочаровывать, по

увѣренъ, что вы скоро согласитесь со справедливостью моего замѣчанія и лично убѣдитесь, что здѣшнія палестины и современные деревенскіе нравы не такъ ужъ благоприятствуютъ нравственному отдыху. Вамъ, привыкшему, вѣроятно, судить о деревнѣ по вашимъ станицамъ и хуторамъ, кажется, что это одно и то же. Нѣтъ, батенька! Далеко не то. У васъ тамъ народъ богаче, разумнѣй, укладъ жизни иной, много такихъ обычаевъ и традицій, которые способствуютъ станицамъ выработать болѣе благонадежный матеріалъ, чѣмъ тотъ, который представляетъ на арену жизни современная деревня, которую вы увидите во всѣхъ деталяхъ черезъ нѣсколько часовъ. Не взирая на то, что въ нашемъ районѣ деревни считаются болѣе или менѣе зажиточными, едва-ли вамъ удастся тамъ найти какую-нибудь захудалую курицу, а пока урегулируете цѣны на будущее ваше обычное пропитаніе—яйца и молоко, такъ тоже испытаете немного удовольствія. Здѣшній народъ такъ любитъ деньги, что сейчасъ же заломить съ васъ что-то неимовѣрное. Вѣдь они насъ, съемщиковъ, ждутъ всегда съ большимъ нетерпѣніемъ: бабы начнутъ съ васъ выколачивать лишніе гривенники за свои припасы, мужики и того больше за мнимыя потопки посѣвовъ, за вѣхи и т. п.

Во время этой рѣчи капитана поѣздъ остановился у станціи и офицерство, за отсутствіемъ носильщиковъ, начало самостоятельно выгружать въ окна и двери вагоновъ свой скарбъ.

Едва только мы ступили на платформу, какъ насъ окружили невзрачные, низкорослые мужики, вооруженные веревочными кнутами, и начали предлагать свои услуги по доставкѣ насъ на наши квартиры.

— Нѣтъ-ли кого, господа ахвицеры, въ К.? обратился къ намъ одинъ изъ возчиковъ.

— Да вотъ мы туда.

— Не угодно-ли будетъ, доставлю, значить, съ нашимъ удовольствіемъ, потому самъ изъ этихъ краевъ, заявилъ мужикъ.

Мы начали рядиться. Возчикъ запросилъ съ насъ 5 рублей.

— Да ты, батенька, угорѣлъ что-ли? За 8 верстъ 5 рублей? посмотрѣлъ я на мужика съ удивленіемъ.

— Да вѣдь оно какже иначе, баринъ, засуеллся мужикъ, вѣдь вамъ, значить «экипажъ» нуженъ и подъ вещи телѣгу. А дорога-то теперь какая?!

— Ну, почтенный, отвѣтилъ я, имѣя въ виду тѣ «справочныя цѣны», которыми снабдили насъ офицеры, прошлогодніе обита-

тели деревни К., какъ тебѣ угодно, а больше 3-хъ рублей не дадимъ. Вѣдь здѣсь не первый годъ наши офицеры работаютъ и больше 1½ р. за подводу до К. никто не платилъ. Хочешь бери, а не хочешь мы дойдемъ до К. пѣшкомъ, а оттуда вышлемъ за вещами своего квартирнаго хозяина.

— А у кого вы остановитесь то? заволновался мужикъ, боявшійся, повицимому, упустить выгодный для него случай извоза.

— У Николая Архипова! отвѣтилъ я.

— Какъ же! Знаю — изъ всѣхъ избѣ изба наиважнѣйшая, и убѣдившись, что мы, дѣйствительно, освѣдомлены о здѣшнихъ краяхъ, мужикъ, почесавши затылокъ, изъявилъ свое согласіе на доставку насъ и нашего имущества до К. за 3 рубля.

II.

Нашъ «экипажъ», если такъ можно назвать какую-то полуразбитую, хотя рессорную (что особенно старательно подчеркивалъ во время договора мужикъ) таратайку, запряженную рослымъ, костистымъ, но плохо кормленнымъ и, по всѣмъ признакамъ, солиднымъ по лѣтамъ мериномъ, медленно плелся по ухабистой проселочной дорогѣ, тянувшейся черезъ нестройный, запутанный лѣсъ, поминутно попадая въ грязныя канавы, часто пересѣкавшія дорогу.

— Ну и невзрачныя же у васъ мѣста, замѣтилъ я своему возницѣ, который въ отвѣтъ на мое замѣчаніе затянулъ обычную тѣсно, заключающую въ себѣ жалобу на неплодородность почвы, плохіе урожаи и т. п.

Съ доводами мужика я, дѣйствительно, былъ согласенъ, такъ какъ въ нашихъ краяхъ врядъ-ли дѣлали бы посѣвы на такой безотрадной почвѣ, которая на попадающихся перелѣскахъ была покрыта зеленымъ ковромъ ржи.

— Вотъ только, баринъ, и живемъ Питеромъ. Лѣто, значить, здѣсь, а придетъ зима и пошли на заработки: кто полотеромъ, кто половымъ въ пивную, кто дворникомъ, дѣвки въ услуженіе. Вотъ я за зиму тоже кой-какую копѣйку и сколочу, а все эти червяки съѣдятъ, указалъ онъ на кучу ребятишекъ, приготовившихся раскрыть намъ ворота въ улицу деревни, лежащей у насъ на пути.

— Баринъ! баринъ! дайте на гостинцы, на чаекъ! довольно безцеремонно зачиркала босоногая команда.

— Эхъ, какъ они у васъ тутъ избалованы то, ужъ и они требуютъ на чай, замѣтилъ я возницѣ, откупаясь отъ окружавшей насъ саранчи.

— Эта ужъ у насъ, значить, они всегда караулятъ; ихній это заработокъ, что съ господъ съемщиковъ на гостинцы получать, а зиму-то сидятъ по хатамъ, отнесся къ намъ возница съ благодушной улыбкой.

— Вотъ ты сказалъ, обратился я къ нему, что за зиму сколачиваешь себѣ копѣйку. Сколько же ты выработалъ за нынѣшнюю зиму?

— Да сотни 1½ наскребъ, баринъ. Да семья-то самъ шестой, а хлѣба-то своего не хватаетъ. Я еще, благодаря Бога, живу себѣ ничего, а многимъ хуже приходится.

— Живется худо, а пить-то деньги находятъ, указалъ я на двухъ пьяныхъ мужиковъ, куражившихся на улицѣ.

— Эхъ, баринъ, безъ этого рабочему человѣку нельзя, оправдывалъ мужикъ своихъ земляковъ, которые, поравнявшись съ нами, начали дѣлать попытки отдать честь, причемъ выкрикивали:

— Господа съемщики, значить, съ вашей милости на магарычъ по случаю прибытія, но видя тщетность своей попытки, пьяные помахали руками въ нашу сторону и обнявшись, поплелись не твердыми стопами дальше.

Наконецъ мы прибыли въ свою резиденцію. Деревушка дворовъ въ 80 однообразно протянулась своими сѣрыми, непривѣтливими, наполовину искривившимися избами вдоль единственной на всю деревню улицы, столь же ухабистой, какъ и вся дорога, по которой мы тащились два часа. Возница подвезъ насъ къ довольно большой и лучшей, въ сравненіи съ остальными, избѣ и началъ окликать во дворъ Николая Архипова.

Изъ дворовой избы лѣнливой походкой вышла миловидная, но грязно и неопрятно одѣтая дѣвка лѣтъ 16—17, а за ней выползъ, почесывая одной рукой за пазухой, а другой протирая заспанные глаза, Николай Архиповъ, [повидимому, недовольный, что ему не дали докончить послѣобѣденнаго отдыха, но когда невзрачный на видъ мужиченокъ понялъ въ чемъ дѣло, то нѣсколько оживился и послалъ дочь за ключами.

Пройдя по довольно длинному корридору, тщательно сохранявшему запахъ, обнаруживающій близкое сосѣдство отхожаго мѣста съ одной стороны и конюшни и скотнаго двора съ другой, мы попали въ большую, свѣтлую и чистую комнату, за ней была другая,

почти такая же и съ крашенымъ поломъ, какъ и первая, а за этой — третья.

— Это, значить, кухня, кухня, значить, суетился хозяинъ, любившій, какъ выяснилось впоследствии, повторять по два раза нѣкоторыя изъ своихъ фразъ: оно тутъ маненько нечисто, да Лиза, значить, все это убереть, убереть, значить, ткнулъ мужиченокъ бородой на дѣвку.

Комната была тоже порядочная, но сохраняла слѣды большой неопрятности: на столѣ, на лавкахъ, на полкахъ, на печи, на полу — всюду были разбросаны щепки, какія-то нитки, солома, засохшія хлѣбныя крошки и краюшки и даже старые слѣды, обнаруживающіе, повидимому, случайное присутствіе пернатого царства. Но, вообще, послѣ генеральной уборки кухни, квартира обѣщала быть по деревнѣ очень хорошей, если не принимать во вниманіе уже указанного мною особаго букета въ корридорѣ, но, принимая опять-таки въ соображеніе то обстоятельство, что крестьяне, вмѣсто того, чтобы относить подальше во дворъ скотскія базы и конюшни, какъ это, на примѣръ, дѣлается у насъ по станицамъ, а стараются все это прилѣпить даже подъ одной крышей съ жильемъ — отъ этого неудобства врядъ-ли можно было избавиться.

— Ну, что же ты хочешь за квартиру? обратился я къ хозяину.

Тотъ утеръ себѣ носъ пятерней и, взглянувши на насъ сладкими, хитро бѣгающими глазами, началъ рассказывать, что ему платили и 40 и 50 р.

— Да, такъ-то, значить — годъ сорокъ, а другой годъ пятьдесятъ, повторилъ онъ конецъ своей фразы.

— Ну, нѣтъ, батенька, это намъ не подойдетъ. Придется другую искать, объявили мы хозяину и съ рѣшительнымъ видомъ направились къ выходу. Мужиченокъ такъ и заюлилъ, стараясь насъ задержать въ избѣ. Въ концѣ концовъ, мы условились за 15 р. въ мѣсяцъ и начали вмѣстѣ съ хозяиномъ и возчикомъ втаскивать свои вещи, заставивши Лизу приводить въ порядокъ кухню. Нашъ возница, получившій помимо установленной платы и безцеремонно испрошенный имъ у насъ «магарычъ», отправился въ избу къ хозяину, гдѣ, какъ мы узнали вечеромъ, ему былъ поставленъ «магарычъ» и хозяиномъ.

Вообще, припетербургская деревня, какъ и сама суровая и непривѣтливая столица, ужъ очень хорошо усвоила порядокъ выколачиванія «на чай» и «на магарычъ».

III.

Не успѣли мы еще раскинуть своихъ походныхъ кроватей, какъ въ корридорѣ послышался топотъ нѣсколькихъ паръ ногъ, а черезъ мгновеніе въ комнату ввалилась съ самымъ развязнымъ и безцеремоннымъ видомъ компанія ребятъ съ гармоніей, которые начали, какъ изъ рога изобилія, посыпать твердо заученныя ими поздравленія.

— Ну ихъ къ чорту, перемигнулись мы съ сожителемъ, дадимъ имъ, а то начать выворачивать вѣхи, такъ работа не больно-то успѣшно пойдетъ.

Дали. Поздравители вышли и не отошли даже отъ нашей квартиры, какъ чей-то зычный голосъ скомандовалъ.

— Ну-ка вали, Михайло, къ Николаенѣ за казенной.

Уже во время дальнѣйшаго пребыванія въ К. мы узнали, что водка, благодаря отсутствію въ деревнѣ казенной винной лавки, продавалась чуть-ли не въ каждомъ дворѣ.

Едва только смолкли голоса нашихъ первыхъ посѣтителей, какъ въ корридорѣ послышался новый топотъ. Въ комнату ввалила компанія мужиковъ, повторявшихъ тѣ же привѣтствія, какъ и ребята. Не смотря на наше стараніе доказать не только недобросовѣстность, но даже и нахальство этихъ поборовъ, поздравители не уходили и съ своей стороны дѣятельно старались внушить непокорнымъ пришельцамъ, что «этотъ обычай завсегда у нихъ ведется, и такъ, что г.г. съемщики очень пріятные гости», а когда это не подѣйствовало, то посѣтители довольно прозрачно намекнули намъ слѣдующее:

— На земелькѣ-то, значить, на нашей работать будете, что, значить, потопчете, мы ужъ претензіевъ никакихъ имѣть не будемъ, а то, коли ежели вѣхи и не на посѣвѣ будутъ стоять, то передъ пахотой-то ихъ уже придется снимать, чтобы, значить, не мѣшали работать».

Между нами послѣдовалъ такой же нелестный для поздравителей обмѣнъ мнѣній, какъ и въ первый разъ и новая выдача на чай.

— Ну, батенька, правы вы, тысячу разъ правы, заявилъ я подѣхавшему къ нашей квартирѣ третьему сожителю, тому самому капитану, который далъ мнѣ краткую характеристику нашей резиденціи.

— А что такое?

Я рассказалъ.

— Подождите, казакъ, еще не то будетъ. Это цвѣтики, а ягоды еще впереди.

— Поглядите, баринъ, — вмѣшалась въ нашъ разговоръ Лиза, которая, вѣроятно, по случаю нашего прибытія немного принарядилась, — еще дѣвки придуть, бабы сосѣдки, да мужики съ другого конца деревни.

— Ну, нѣтъ, — заговорили мы въ одинъ голосъ, — хорошаго по-немногу. Дѣвки да бабы менѣе опасный народъ, а мужиковъ просто-на-просто выгонимъ безъ всякихъ церемоній.

И дѣйствительно, вопросъ этотъ намъ удалось уладить, какъ нельзя лучше, но за то насъ начали бомбардировать другіе просители: въ корридорѣ послышался топотъ босыхъ ногъ и, вталкивая другъ друга, въ комнату начали протискиваться дѣти съ большими букетами сирени и полевыхъ цвѣтовъ. Наша небольшая плата за это подношеніе такъ понравилась младшему поколѣнію деревни, что скоро пришлось прекратить пріемъ цвѣтовъ, которыми дѣтворя насъ, прямо-таки, завалила. Нужно было только видѣть тѣ жадные взгляды, которые они бросали на получаемыя ими мѣдные монеты.

Увидѣвши, что спросъ на цвѣты прекращень, изобрѣтательная босоногая команда рѣшила попытать счастье въ новомъ коммерческомъ предпріятіи.

— Баринъ, а баринъ! Вамъ это нужно? — влѣзъ къ намъ въ комнату мальчишка лѣтъ 8, державшій въ рукахъ жестянку изъ подъ консервовъ и тайнственно въ нее заглядывающій.

Каково же было мое удивленіе, когда я увидѣлъ въ налитой въ жестянку водѣ семью головастиковъ, совершающихъ упражненія въ плаваніи.

— Ну, знаете, — обратился я къ своимъ сожителямъ, — и развита же здѣсь коммерческая жилка!

Съ моимъ замѣчаніемъ мои слушатели вполне согласились.

Но всѣ эти попытки выколотить съ насъ правдами и неправдами какіе нибудь гроши совершенно пасуютъ передъ слѣдующимъ нахальствомъ: одному изъ насъ пришлось поставить вѣху на крышѣ одной изъ заколоченныхъ, нежилыхъ избъ деревни. Чтобы не было впоследствии никакихъ нареканій на порчу крыши и т. п., процедура установки была произведена самымъ аккуратнымъ образомъ въ присутствіи офицера. Прошло послѣ этого недѣли двѣ. Какъ-то мы отдыхали послѣ обѣда, какъ дверь въ комнату широко растворилась и ввалился полупьяный мужикъ. Изъ обоихъ кармановъ его дырявой, заношенной поддевки торчали водочныя бутылки, носив-

шля на своихъ головкахъ слѣды разрушенія казенной красной печати. Не снимая фуражки, посѣтитель объявилъ, что пришелъ получить 25 р. Предвкушая заранѣе какую-либо продѣлку и изведенный нахальнымъ видомъ посѣтителя, я не выдержалъ и закричалъ:

— А фуражка!!

Мой рѣшительный тонъ, видно, подѣйствовалъ вразумляюще, такъ какъ мужикъ быстро стащилъ съ головы засаленный картузь, но сейчасъ же, оправившись, продолжалъ:

— Фуражку это, точно, забылъ снять, а 25 р., значить, пожалуйста.

— Это за что же?

— Какое вы, значить, имѣли полное право ставить на моей хатѣ вѣху... Крышу, значить, всю разорили,—безцеремонно лгаль мужикъ: либо платите 25 р., либо я буду жаловаться.

Это нахальство даже меня, лично незаинтересованнаго въ искѣ, такъ возмутило, что я съ самымъ внушительнымъ видомъ приказалъ просителю немедленно же убираться вонъ и жаловаться кому угодно.

— Ну, правы,—взмолился я къ своимъ сожителямъ: мало того, что тайнымъ образомъ чуть ли не черезъ день снимаютъ съ вѣхъ цвѣтные флаги, а даже пускаются на такія явно незаконныя вымогательства.

Къ довершенію всего, впоследствии, выяснилось, что нахальный истецъ оказался и не хозяиномъ той избы, на которой была укрѣплена вѣха, а просто свать, или кумъ хозяина, или что-то въ этомъ духѣ.

IV.

Наблюдая за обыденной жизнью К-го крестьянства въ продолженіи 1½ мѣсяца я не могъ остановиться на чемъ-либо такомъ, что хоть немного подчеркнуло бы положительныя стороны жизни деревни, отличающейся, какъ «свободой такъ и простотой» нравовъ, такъ и своею грязью и неблагоустроенностью.

Не взирая, напимѣрь, на то, что по всему полю разсыяна масса камней, мѣшающихъ во время пахоты, мужики даже не думаются до того, чтобы, вывозя, положимъ, на пашню навозъ для удобрения своей нивы, привозить въ деревню каждый разъ хоть по десятку камней, которыми они съ видимой для себя пользой могли

бы хотя бы забросать неимоверно глубокія и топкія лужи грязи на единственной въ деревнѣ улицѣ, гдѣ крестьяне грузили со своими миниатюрными повозками во время проливныхъ дождей по самыя ступицы.

— Что это вы, Николай, не навозите съ поля камней-то и не вымостите себѣ улицу? И для поля было бы лучше, и для деревни тоже,—обратился я къ своему хозяину въ одинъ изъ тѣхъ дней, когда онъ пли совсѣмъ не пилъ (что случалось очень рѣдко), или выпилъ, но очень мало.

— Да вотъ подите жъ, поговорите,—затянулъ онъ своимъ обычно сладкимъ голосомъ: значить, сколько разъ говорилъ и ничего не выходитъ. Дѣды, значить, и такъ ѣздили, будемъ, молъ, и мы ѣздить. Народъ то у насъ темный, темный, значить, народъ... Вотъ теперь школа. Какая у насъ школа? А заговорили о школѣ, такъ куда тебѣ?! Не надо, значить, загадѣли, не надо—и одной буде.

Откровенно говоря это сочувствіе хозяина къ просвѣщенію показало мнѣ нѣсколько подозрительнымъ, но скоро это подозрѣніе разъяснилось: Николай Архиповъ потому сочувствовалъ этому дѣлу, что подъ школу предлагали занять его домъ за приличную для деревни плату...

По вечерамъ деревенская молодежь начинала свое гулянье: на улицѣ появлялись ребята, обладающіе пріобрѣтенною ими въ столицѣ «развязкой», громаднымъ запасомъ изысканныхъ ругательствъ, безцеремонностью и облеченные въ холщевые передники и валенки (последніе не взирая ни на какую температуру). Начиналась музыка и пѣніе. Мнѣ, возмущавшемуся, какъ и многимъ другимъ, безсодержательностью и немелодичностью какой-нибудь фабричной пѣсни, положимъ, «Чудный мѣсяць плыветъ надъ рѣкою», когда я въ теченіе долгихъ 1½ мѣс. ежедневно отъ 7—8 ч. вечера и до 3-хъ часовъ ночи слышалъ тотъ невообразимый вопль, который здѣсь называютъ по какому то недоразумѣнію пѣсней,—неволью пришлось сознаться, что «Чудный мѣсяць», въ сравненіи съ К-ой музыкой, это прямо какая то прелестная мелодія. До того невѣроятно дика К-ая пѣсня. Говорю нарочно пѣсня, а не пѣсни, такъ какъ дѣйствительно за 1½ м. мнѣ не пришлось ничего слышать, кромѣ этого единственнаго на всю округу мотива: подъ аккомпанементъ гармоніи, аккомпанементъ, въ которомъ при всемъ желаніи нельзя было уловить какого бы то ни было мотива, ребята и дѣвчата дикими, странными, надрывающимися голосами режутъ въ унисонъ тоже какой то неопредѣленный мотивъ, заключающій въ себѣ всего

3 ноты. И это изо дня въ день одно и тоже. Немного матеріала нашель бы здѣсь любитель и собиратель русскихъ пѣсень.

— Стрѣлять ихъ, вѣшать прохвостовъ надо, — съ выраженіемъ страданія на лицѣ говорилъ, обычно, одинъ изъ моихъ сожителей: вѣдь это невыносимо, вѣдь это нарушеніе общественной тишины и спокойствія.

Ну, вѣшать то это, пожалуй, ужъ очень сильно, а выпороть слѣдовало бы хоть одного для примѣра, — говорилъ я, въ свою очередь, приходя въ ожесточеніе по мѣрѣ того, какъ дикій вой К — ихъ пѣсенниковъ приближался къ нашей квартирѣ.

— Нѣтъ, вы скажите мнѣ, — волновался капитанъ, — что же дѣлаетъ наша школа? Вѣдь это ея обязанность слѣдить за тѣмъ, чтобы ученики знали бытовья народныя русскія пѣсни. Лично я смотрю такъ — нѣтъ въ обыденномъ укладѣ жизни молодежи отпечатка школьной культуры, что прежде всего рельефно отражается на народномъ творествѣ — на пѣснѣ, значить учителя никуда не годятся. Гони ихъ долой. Я самъ, батенька, былъ народнымъ учителемъ и работалъ въ этомъ направленіи и добивался своего. А это что же такое? Одно изъ двухъ: либо они ихъ ничему не учатъ, либо ученики и ученицы ихъ въ грошъ не ставятъ.

— Да что молодежь учителя ни въ грошъ не ставятъ, то я самъ вчера былъ свидѣтелемъ: сижу я часовъ въ 11 у окна и читаю. Смотрю — по улицѣ быстро идетъ какая то парочка. «Онъ», какъ оказалось, какъ-разъ и былъ ихъ деревенскій учитель. Идетъ онъ со своей дамой и о чемъ то перешептывается и боязливо оглядывается назадъ. Потомъ постучалъ въ сосѣдную избу и кричить: «скорѣе отоприте, я учитель», а въ голосѣ слышна какая то тревога. И что же вы думаете? Едва учитель успѣлъ укрыться въ избѣ, куда стучался, какъ къ ней налетѣла толпа ребятъ и начала ломиться въ дверь. Насилу ихъ разогналъ полусонный хозяинъ. Оказывается, что ребята требовали съ учителя пива, а тотъ «не поставилъ». И если бы вы только слышали тѣ заманчивыя обѣщанія, которыя отпускали эти разбойники по адресу своего деревенскаго педагога!! Сколько здѣсь выложено было площадной брани, злости — прямо ужасъ. Долго они караулили свою жертву, но, видно, надоѣло. «Ну, мы тебѣ твою студенческую фуражку приплюснемъ къ твоему рылу», посулили они осажденному и разбрелись по домамъ.

Этотъ разговоръ нашъ былъ прерванъ неимовернымъ визгомъ дивчатъ, на который мы, привыкшіе къ К — имъ нравамъ, къ слову

сказать, обратили мало вниманія — это ребята занимались безцеремоннымъ изслѣдованіемъ бюстовъ своихъ барышень, что производилось, какъ нѣчто самое обыкновенное, безъ всякихъ церемоній, среди улицы, не взирая на то, что на дворѣ, благодаря «бѣлой ночи», было свѣтло.

— Ну, что вы прикажете дѣлать? волновался капитанъ: что же отцы то смотрятъ?

— Да что же отцы то? Они, вѣдь, сами прошли эту школу и это имъ кажется такимъ пустымъ событіемъ, на которое не стоитъ обращать и вниманія...

Мало по малу безобразный шумъ началъ стихать. Кавалеры разбились съ дамами по парочкамъ [и начали расходиться] по недостроеннымъ домамъ, по садамъ, по гумнамъ.

— Вотъ кому-нибудь свѣжему человѣку расскажите все это, такъ, пожалуй, не повѣрять! недовольно пробормоталъ капитанъ и отвернулся къ стѣнѣ.

Я тоже улегся, но не успѣлъ еще заснуть, какъ за стѣпой и на чердакѣ услышалъ какой то шумъ. Выхожу въ корридоръ и начинаю прогуливаться.

— Баринъ! это вы? слышу я голосъ 14-ти лѣтняго сына нашего хозяина.

— Я! Что за шумъ?

— Да у насъ въ новомъ домѣ «хороводится» парочка, говорилъ имъ, чтобы мнѣ дали пятачекъ — я-бъ ихъ не трогалъ, такъ не даютъ, ну я ихъ теперь и выгоняю, — скороговоркой выпалилъ мальчишка и скрылся вновь на чердакѣ, откуда началъ бросать въ недостроенный домъ чурбаки и бревна.

Наконецъ и этотъ шумъ стихъ. Я заснулъ...

«Караулъ, караулъ! кричалъ кто-то слабымъ, хриплымъ голосомъ.

Я вскочилъ съ кровати и подбѣжалъ къ окну. Сосѣдъ мужикъ, въ домъ котораго наканунѣ скрылся учитель, стоялъ на улицѣ и кричалъ «караулъ».

— Ты что?

— Да какъ же В — ше Б — ie! Ну на что это похоже? Посмотрите, что озорники сдѣлали — вѣху въ окно всадили и чуть мнѣ голову не проломили, а къ забору и къ дверямъ какія колоды привалили — нѣтъ силы одному то и поднять. Да и выходить то къ нимъ, хулиганамъ, страшно: вѣдь у нихъ и ножи и револьверы, все, что хочешь.

— Да кто же это такое?

— Да кто же! и мужикъ назвалъ имена двухъ сосѣднихъ ребятъ, которыхъ, какъ говорятъ, и слѣдъ простылъ.

— Вы бы тоже съ открытыми окнами не ночевали,—обратился ко мнѣ мужикъ: а то того и гляди, что что-нибудь вамъ вкинуть.

— Ну, я ужъ тогда вкину, пусть только попробуютъ, пригрозишь я довольно громко.

— Да не поймать вѣдь ихъ, разбойниковъ, не догонишь! хрипѣлъ мужикъ.

— Нѣтъ я догонять не буду, а иначе придется раздѣлываться,—проговорилъ я, направляясь къ кровати.

V.

Подходили праздники, къ которымъ деревня замѣтно готовилась: скребли, чистили, мели, убирали. Первый праздникъ былъ Троица, а второй «Ивана Купала» — престольный день въ К.

На Троицу мы отправились въ церковь.

Не взирая на поздній часъ (11 ч. д.) въ храмѣ еще не звонили и жидкія кучки мужиковъ сидѣли вокругъ церковной ограды. Я подошелъ къ одной изъ кучекъ. Старики и мужики привстали, сняли фуражки и поздоровались—молодежь не пошевелинулась.

— Что это, братцы, такой праздникъ, а у васъ народъ въ церковь не загонишь? обратился я къ сидящимъ.

— Да что нынѣ, баринъ, намъ церковь?! Больно умные стали,—заговорилъ съдой, какъ лунь, и благообразный на видъ старикъ: нонѣ больше все насчетъ пьянства, да безобразіевъ, да неприятностейъ, значить, да пересудовъ: начальство—не начальство, то не такъ, это не сякъ, вѣра—не вѣра, Богъ—не Богъ. Вотъ она теперича и жисть то пошла какая—все Господь наказываетъ за грѣхи наши. Вы то, надо полагать, наше житье-бытье-то ужъ обозрѣли?!. Прежде при господахъ такой бѣдноты не видывали. Вонъ, поглядите храмъ то какой барыня намъ построила—любо да дорого посмотреть. А толку что!! Мало, баринъ, нонѣ порядку пошло, мало веселаго. Да, слава Богу, что хоть безъ убійствъ то вотъ это время.

— Какъ, а развѣ и это бываетъ!

— А вы думаете! Вотъ придетъ Ивановъ день то, такъ сами увидите, что будетъ. Поперепятуются и пойдутъ деревня на деревню съ чѣмъ попало. Ребята теперь такіе озорники стали, что не при-

веди Богъ. Все по Питеру развѣзжаютъ, чему бы хорошему тамъ научились, а выходитъ наоборотъ.

— А зачѣмъ же вы ихъ въ Питеръ пускаете то, коли замѣчается, что это плохо?

— Не тѣ нонѣ времена стали, баринъ, чтобы его не пустить. Все равно самъ уйдетъ. Избалованный народъ сталъ, деньгу больно любить, легкую наживу, а работы и порядку не спрашивай. Вотъ вчерашній то день сколько «монополія» то мужицкой деньги получила. Другому, извините за выраженіе, жрать нечего, а на водку то найдеть. Вотъ посмотрите на Ивановъ день. Пьяное море.

Въ это время въ церкви заблаговѣстили. Послѣ перваго удара колокола всѣ смолкли, но никто не крестился. Только по второму удару мужики потянули съ головъ свои фуражки и начали креститься. Видно и здѣсь существуетъ повѣрье, что «первый колоколъ чертей разгоняетъ» и подъ него не крестятся...

Въ церкви было немногочудно, да и то больше бабы. На клиросѣ три-четыре любителя нестройно тянули обиходные напѣвы.

Послѣ обѣдни всѣ направились на кладбище. По заведенному обычаю, въ этотъ день здѣсь поминаютъ усопшихъ. Мужики быстро разложили на могилахъ принесенные бабами узелки съ съѣстными припасами и начали раскупоривать простѣйшимъ способомъ «сороковки», а бабы залились горячими слезами, сопровождая свой плачь и душераздирающіе вопли различными причитываніями. На кладбищѣ воцарился такой ревъ, что трудно себѣ представить, а черезъ какой-нибудь часъ отъ кладбища тянулась уже пьяная ватага мужиковъ и говорухъ-бабъ, быстро утѣшившихся въ своей печали. Поминки были закончены.

Ивановъ день было дѣйствительно пьяное море, какъ и предсказалъ мнѣ на Троицу благообразный старикъ. Не обошлось и безъ скандаловъ.

Церковь, какъ и на Троицу не была переполнена молящимися. Народъ больше толпился на «ярмаркѣ», каковымъ именемъ назывались десятка полтора балагановъ, торговавшихъ обычными деревенскими сластями и тряпками. Не взирая на службу въ церкви, торгъ шелъ хотя не бойко вообще, но бойко для К. Съ утра было довольно чинно и мирно, а къ вечеру страсти разыгрались. К—іе ребята затѣяли ссору съ П—ми, тѣ не сробѣли; сначала пошли въ дѣло кулаки, потомъ колья, начинались даже выстрѣлы, оказавшіеся къ счастью холостыми, а въ результатѣ оказалось нѣсколько избитыхъ и одинъ, какъ съ гордостью намъ сообщили К—іе ребята,

П—ій парень былъ раненъ ножомъ въ бокъ. На второй день д. К. переполнилась пьяными и творящими безчинство ребятами и нарядными въ пухъ и прахъ барышнями. Ватага человекъ 20 ребятъ бродила изъ дома въ домъ и вымогала у бабъ яйца и другія подачки, какъ выяснилось «на пропой души». Скоро эта безалаберная команда ввалилась и къ намъ въ корридоръ, но получила такой рѣшительный отпоръ, что немедленно же отступила. Ужъ за дворомъ слышались угрозы по нашему адресу:

— Ну, пойдете теперь по ржи на съемку, такъ!..

Вотъ она припетербургская современная деревня безъ прикрасъ, безъ преувеличиванія. Вотъ тотъ элементъ молодежи, который влнчаетъ К. въ ряды великой русской арміи, элементъ, который нашему брату, незамѣтному труженнику рядовому офицеру, надо обуздать, или, какъ говорятъ, «привести въ христіанскій видъ», элементъ, у котораго, повидимому, нѣтъ ничего святого, нетронутаго, что могло бы облегчить ту неблагоприятную работу, которая будетъ затрачена въ теченіе долгихъ трехъ лѣтъ на внушеніе дисциплины, сознанія чувства долга передъ Царемъ и Родиной. А пройдутъ эти три года, вырвется эта публика опять на волю въ свою богоспасаемую д. К. и пойдутъ опять буянить, безобразить и бездѣльничать, какъ это дѣлаетъ К—ая молодежь въ настоящее время.

Быть можетъ, это больно будетъ многимъ читать, но смѣю увѣрить, что во сто разъ больнѣе и мучительнѣе было переживать это, сидя долгихъ 1½ мѣсяца въ глухой, захолустной, хотя и близкой къ столицѣ, непривѣтливой сѣверной деревушкѣ.

В. Добрынинъ.

